

О ДУХОВНОЙ РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В разрезе социально-экономического подхода к определению места и роли интеллигенции зачастую рассматривается только один пункт, в котором интеллигенция определяется как наиболее прогрессивный слой общества и при этом притесняемый властью за прогрессивные взгляды. Данная позиция широко распространена в исследованиях не только философов, но также и социологов, политологов, экономистов. Вместе с тем властные структуры всегда рассматривают прогресс как основу для общественной модернизации без возможности причинения вреда.

Новизна работы определяется тем, что основание взаимодействия между органами власти и интеллигенцией следует рассматривать не только в исторической перспективе, но также и на основе экономического или антропологического подхода. Следует выявить то, насколько подобные взаимоотношения определяют возможность развития общества и насколько коррелируют с общественными интересами. Автором статьи не только рассматриваются аспекты экономического характера стимулирования интеллигенции, а также определяется ее роль в позитивном социально-экономическом развитии общества. Практическая значимость исследования определяется возможностью формирования программ общественного развития на основе философских дискуссий и определения места и роли интеллигенции в общественном развитии.

Ключевые слова: интеллигенция; общество; развитие; структура; власть.

Сведения об авторе: Гасанов Эльнур Лятиф оглу, доктор философии по истории, главный специалист Президиума Гянджинского отделения Национальной академии наук Азербайджана.

Контактная информация: AZ 2000, Азербайджан, г. Гянджа, ул. 20 Января, д. 20А; тел.: (99455)257-22-56, e-mail: el-hasanov@mail.ru.

Интеллигенция как специфическое социальное явление призвана выполнять сознательную и инициативную роль в разработке, сохранении и передаче национальных ценностей и традиций. Однако смена поколений интеллигенции в контексте социокультурных трансформаций порождает новые научные дискуссии и мифы вокруг этой проблемы. На формирование основных черт интеллигенции влияют исторические, культурные, национальные и др. факторы, которые и обуславливают вариативность смыслового наполнения понятия «интеллигенция», определение ее места в структуре общества, ее социальной роли и функций (Vinogradova 2009: 234).

Любое дискуссионное обсуждение, особенно если оно имеет научный статус, должно начинаться с четкого определения понятий, содержания которого придерживаются все участники. Иначе истина в таких дискуссиях не родится (Hirose 1995: 48–51).

Таково требование логического закона тождества. Поскольку непосредственным участникам обсуждения сложно согласиться с определениями своих коллег, ведь всегда есть непреодолимое желание хотя бы с чем-то не согласиться, сошлемся на авторитет выдающихся мыслителей, на учениях которых сформировались все ученые (Abramov 2016: 89–92).

Интеллигенция является объектом философских, исторических, социологических, этических научных исследований (Kennedy 1992: 32–34). Духовными, моральными, культурными и т. п. качествами интеллигенцию наделяли М. Бердяев, М. Добрускин, И. Кальной, Д. Лихачев, О. Лосев, И. Лосский, Н. Маликова. Как уникальное социальное явление, социальный феномен интеллигенцию исследовали А. Бычко, И. Бычко, П. Милуков, И. Осинский, П. Уваров, П. Саух, Ю. Саух, В. Слесарь. Гражданскую позицию и социальную роль интеллигенции в революционный период анализировали С. Булгаков, Б. Кистяковский, П. Струве, С. Франк.

Однако, несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных интеллигенции, вариативности содержания этого понятия, ее социальной роли и

назначения, все же открытым остается вопрос идентификации интеллигенции в социальной структуре общества, ее дифференциации как специфического и исключительного социального явления (Gaines 1997: 282–286; Oushakine 2009: 243; Shalin 2017: 281–286).

Целью данной статьи является анализ понятия «интеллигенция» в предметном поле социальной философии и определение ее места в общественном развитии (Erstein, Kheimets 2000: 470–471).

Значительное распространение и дифференциация коннотаций «интеллигенция» произошло в немецкой философии конца XVIII – начала XIX в. Так, И. Фихте отождествлял интеллигенцию со свободно мыслящим человеком, который с помощью интеллекта и конструктивного мышления «творит» материальный мир. Г. Гегель толковал интеллигенцию как теоретическое мышление субъективного духа – теоретический дух (Kennedy 2014: 94–98).

И. Фихте исходил из того, что философ, абстрагируясь в процессе мышления от опыта восприятия объектов, формирует свое сознание как интеллигенцию. Если она направлена на вещи, тогда это форма материализма, либо же догматизма, поскольку она, а не человек как субъект, определяет ее содержание. Философское видение понятия «интеллигенция» относится к той категории людей, которые выходят из субъект-объектного единства (См.: Kijima 2001: 52–53; Kennedy 2014: 94–97).

Интеллигенция – это тот слой общества, который делает себя как объектом познания/самопознания, так и субъектом преобразующей жизнедеятельности в соответствии с теми сущностными измерениями, которые составляют содержание индивидуально-родового призвания. Ведь человек – общественное существо, всегда принадлежащее к определенному виду народного сообщества (Loogma, Ümarik, Sirk, Liivik 2019: 120; Malyankar, Findler 1998: 321–327).

Чтобы быть причастным к народу, следует обладать интеллигентностью как внутреннее состояние души, как дух необходимой жизнедеятельности. Отсюда не совсем корректно определять интеллигенцию как слой людей, занятых умственным трудом. Знания, не поднятые до глубин внутреннего душевного состояния, не делают человека интеллигентным, привлекательным для других примером должного поведения (Bergman 2019: 144–147).

Более расширенное определение становления духа объективной интеллигенции имеем в диалектической системе Гегеля, в его «Науке логики». Когда он утверждает, что абсолютная идея решает отпустить себя в природу, в жизнь, это означает, что дух познания в человеке начинает определять способ его жизнедеятельности как разумно-волевой, а не аффективный.

Интеллигенция познает объект и превращает субъективное знание («знание о сознании») в объективное, тем самым обеспечивая познание истины и конкретное знание об объекте. Ф. Шеллинг в работе «Система трансцендентального идеализма» также отводит интеллекту ведущую роль в создании объективной реальности. Однако, интеллигенция по Шеллингу – это и духовный процесс, который вместе с логическим актом создает предметы и формы сознания. Несмотря на некоторые различия в характеристике интеллигенции немецких ученых-философов, все же можно выделить и общие черты: интеллектуальность и духовность (См.: Bryson 2018: 19–21).

Интеллигенция возникает и как интеллект, и как субъект, созерцающий, познающий и творящий объективную реальность, материальный мир. Таким образом, представители интеллектуальных профессий в течение веков значительно повышали свою социальную роль в обществе благодаря мыслительной деятельности. Однако, интеллектуалы – распространенное явление, наполняющее понятие «интеллигенция» неоднозначным и противоречивым содержанием (Нору́ж 2018: 224; Martin 2014: 468–469).

В это же время значительную популяризацию понятие «интеллигенция» приобретает и в Российской империи. Так, писатель П. Боборыкин в своих произведениях через художественные образы охарактеризовал реальные типы тогдашней интеллигенции: «салонная

интеллигенция», которая работала в «высшем свете» за «материальные подачки и продовольствие», а также интеллигенция, которая противопоставляла собственные интересы правящей идеологии. Писатель рисует образы интеллигентов, которые готовы пожертвовать материальными благами, променять собственные меркантильные интересы на высокие благородные идеи (Zysiak 2019: 502–503).

Примерно в этот период начинаются длительные дискуссии относительно идентификации и социального назначения интеллигенции. Одно из ключевых мест среди научных исследований об интеллигенции занимают научные труды в сборнике статей «Вехи». Выход сборника вызвал бурную неоднозначную реакцию в ученых кругах, связанную с критикой авторами «Вех» революционной интеллигенции 1905 г.

М. Бердяев, один из составителей «Вех», в своей статье «Философская истина и интеллигентская правда» поднял проблему русской псевдоинтеллигенции и истинной. Так, автор пишет о книголюбях, философах-аскетах и противопоставляет им «интеллигентщину» – провластную, инертную и консервативную. М. Бердяев указывает на проблему познания истины, на ее несовместимость со служением и представлением интересов общественных классов, в частности, «низов» общества. Философ подчеркивает, что любовь к народному благу парализовала любовь к истине.

Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Почему автор поднимает проблему знания философии среди русских интеллигентов? Потому что философия способствует осознанию и отражению человеческого духа. М. Бердяев в своей статье жажду познания философской истины относит к духовным ценностям (См.: Zysiak 2019: 501–503).

Идейной формой русской интеллигенции являлось ее отчуждение от государства и враждебность к нему. Вместе с тем, самоотречение интеллигенции, служение народу были лишены принципиального морального и воспитательной силы. П. Струве подчеркивал необходимость работы над культурой, однако для этого нужна творческая борьба идей.

С. Франк в своем труде для сборника «Этика нигилизма» поднимает проблему морали и ценностей российской интеллигенции. Автор характеризует ее умонастроение как морализм, который отражает нигилизм интеллигенции. В свою очередь, нигилизм С. Франк трактует как отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей. Автор наблюдает формирование и разложение традиционного интеллигентского духа (См.: Glazov 1979: 329–330).

Любые исторические изменения в обществе приводят к переориентации ценностей и их трансформации. Соответственно, революционные события 1905 г. в России повлекли переосмысление ценностей интеллигенции и овладение новыми.

Если воспринимать проблему человеческой культуры как механическую, то и здесь останутся только две задачи – разрушение старых вредных форм и перераспределение элементов, установление из них новых, полезных комбинаций.

В общем, авторы «Вех» исследовали мировоззрение и социальную роль русской интеллигенции в конкретный исторический – революционный период. Так, веховцы указывают на нехватку духовности, морали, гражданской позиции, отказ от абсолютных ценностей русской интеллигенции в период трансформации общества. Однако, нельзя говорить об однозначном провале интеллигенции в русской революции 1905 г.

На рубеже XX–XXI вв. у интеллектуалов возникает интерес к власти, вызванный демократическими общественными изменениями. Как результат, возникает много политических партий, где та же интеллектуальная элита стремится реализовать свои идеи и убеждения. Однако, власть и популяризованные в 90-х гг. XX в. материальные блага вытеснили роль духовности и национальной культуры в общественном развитии на второй план, а следовательно, и саму интеллигенцию от принятия политических решений.

На переосмысление ценностей значительное влияние оказали и западные тенденции развития. Ликвидаторы остатков «перестройки» приоритетными сделали именно материальные ценности. Вполне закономерно, что начиная с конца XX в. и до настоящего времени ведутся научные споры по идентификации интеллигенции как реального или уже мифологизированного социального явления (Glazov 1979: 331–332).

В научном обращении не существует единого и общепринятого определения понятия «интеллигенция». Современные тенденции развития общества только углубили скептическое восприятие этого социального явления. Стремительный научный и технический прогресс, динамический ход общественной и частной жизни приводят к общественным метаморфозам и изменениям мировосприятия, переосмыслению и переориентации ценностей.

Интеллектуальная элита и работники «умственных» профессий обслуживают все сферы жизнедеятельности социума. Часто прогнозируемые интеллигенцией тенденции развития общества, гармоничное сосуществование и функционирование всех его сфер не воспринимаются элитарной верхушкой, которая критически относится к национальным, духовным, моральным, этическим и тому подобным идеям интеллигенции.

Однако, нельзя однозначно утверждать, что интеллигенция исчерпала на сегодня свое историческое и социальное назначение. Каждая историческая эпоха наносит свой отпечаток на определение этого социального явления, а XXI век, когда меняется осознание человечеством своих возможностей и своего назначения в мире, – тем более (Dmitriev 2017: 309–310).

Таким образом, наиболее уместно, по нашему мнению, определить интеллигенцию как социальный феномен в структуре общества.

Присущие ей черты высокого уровня культуры и ответственности за ее состояние, сохранение национальных духовно-нравственных, культурных ценностей и исторической памяти народа характеризуют интеллигенцию как социальный феномен.

Гармоничное сочетание рационального и чувственного позволяет ей выступать «проводником» национальной традиции между поколениями, в периоды социальных трансформаций. Дальнейшие исследования темы, на наш взгляд, следует вести в контексте изучения современной интеллигенции, ее социальных функций и места в структуре общества.

Средством обеспечения устойчивого развития должна стать концепция «достойный труд – достойная оплата» и постоянная ориентация на общественное совершенствование.

Это как раз и вытекает из модели кругооборота знаний в обществе, где производство рассматривается как отрасль человеческой деятельности, направленная для получения материальных благ, которые полностью соответствуют уровню знаний интеллигенции и власти. То есть от уровня креативности мышления представителей интеллигенции, занятой в процессе производства, и представителей власти, которые обучаются такому мышлению в учебных заведениях, зависит полноценное развитие общества.

Откуда следует, что идея креативности, идея учиться мыслить должна объединить и пронизывать все образовательные программы на протяжении всей жизни человека. Это, на наш взгляд, и должно стать основной идеей реформирования образования.

Литература

Abramov R. 2016. Understanding professionalism in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: an analytical review // *The American Sociologist* 47(1), 81–101. URL: <https://doi.org/10.1007/s12108-015-9294-5>.

Berryman J. 2019. A comparison of the German and Russian literary intelligentsia in Arnold Hauser's *Social History of Art* // *Studies in East European Thought* 71(2), 141–155. URL: <https://doi.org/10.1007/s11212-019-09327-4>

Bryson J.J. 2018. Patience is not a virtue: the design of intelligent systems and systems of ethics // *Ethics and Information Technology* 20(1), 15–26. URL: <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9448-6>

- Dmitriev T.* 2017. Max Weber and Peter Struve on the Russian Revolution // *Studies in East European Thought* 69(4), 305–328. URL: <https://doi.org/10.1007/s11212-017-9294-9>
- Epstein A., Kheimets N.* 2000. Immigrant intelligentsia and its second generation: Cultural segregation as a road to social integration? // *Journal of International Migration and Integration / Revue de l'integration et de La Migration Internationale* 1(4), 461–476. URL: <https://doi.org/10.1007/s12134-000-1025-1>
- Gaines B.R.* 1997. Knowledge management in societies of intelligent adaptive agents // *Journal of Intelligent Information Systems* 9(3), 277–298. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1008658220563>
- Glazov Y.* 1979. The Soviet intelligentsia, dissidents and the West // *Studies in Soviet Thought* 19(4), 321–344. URL: <https://doi.org/10.1007/BF00832020>
- Hirose L.M.* 1995. Organisational spaces and intelligent machines: A metaphorical approach to ethics. *AI & SOCIETY* 9(1), 43–56. URL: <https://doi.org/10.1007/BF01174478>
- Horujy S.S.* 2018. The ethical catastrophe of contemporary Russia and its foresights in Russian thought // *Studies in East European Thought* 70(4), 221–234. URL: <https://doi.org/10.1007/s11212-018-9311-7>
- Kennedy D.* 2014. The hermeneutic of suspicion in contemporary American legal thought // *Law and Critique* 25(2), 91–139. URL: <https://doi.org/10.1007/s10978-014-9136-6>
- Kennedy M.D.* 1992. The intelligentsia in the constitution of civil societies and post-communist regimes in Hungary and Poland // *Theory and Society* 21(1), 29–76. URL: <https://doi.org/10.1007/BF00993462>
- Kijima K.* 2001. Why stratification of networks emerges in innovative society: intelligent poly-agent systems approach // *Computational & Mathematical Organization Theory* 7(1), 45–62. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1011377532016>
- Loogma K., Ümarik M., Sirk M., Liivik R.* 2019. How history matters: The emergence and persistence of structural conflict between academic and vocational education: The case of post-Soviet Estonia // *Journal of Educational Change* 20(1), 105–135. URL: <https://doi.org/10.1007/s10833-018-09336-w>
- Malyankar R.M., Findler N.V.* 1998. A methodology for modeling coordination in intelligent agent societies // *Computational & Mathematical Organization Theory* 4(4), 317–345. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1009634413228>
- Martin D.* 2014. Secularization: an international debate from a British perspective. *Society*. 51(5), 464–471. URL: <https://doi.org/10.1007/s12115-014-9812-z>
- Ostrovsky M.A.* 2017. It is time to think “physiologically”. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 87(1), 93–99. URL: <https://doi.org/10.1134/S1019331617010105>
- Oushakine S.A.* 2009. Introduction: wither the intelligentsia: the end of the moral elite in Eastern Europe. *Studies in East European Thought* 61(4), 243. URL: <https://doi.org/10.1007/s11212-009-9093-z>
- Shalin D.N.* 2017. Extended mind and embodied social psychology: contemporary perspectives. *Society* 54(3), 279–290. URL: <https://doi.org/10.1007/s12115-017-0135-8>
- Vinogradova V.A.* 2009. Intellectuals and intelligentsia in the pages of library periodicals. *Scientific and Technical Information Processing* 36(4), 234. URL: <https://doi.org/10.3103/S0147688209040078>
- Zysiak A.* 2019. Hysteresis, academic biography, and political field in the People’s Republic of Poland // *Theory and Society* 48(3), 483–508. URL: <https://doi.org/10.1007/s11186-019-09349-1>

E.L. Hasanov
Ganja, Azerbaijan

ABOUT SPIRITUAL ROLE OF INTELLIGENCE IN THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Abstract. In the context of the socio-economic approach to determining the place and role of the intelligence and its interaction with authorities, often only one point is reviewed, in which the intelligentsia is defined as the most progressive layer of society and at the same time oppressed by the authorities for progressive views. This position is widespread not only in the studies of philosophers, but also sociologists, political scientists, economists. At the same time, power structures always consider progress as the basis for social modernisation without the possibility of harm. Thus, a search is needed between the desire of society for progress and the search for optimal conditions for coexistence between power and the intelligence.

The novelty of the work is determined by the fact that the historical basis of the interaction between government and the intelligence should be considered not only in a historical perspective, but also on the basis of an economic or anthropological approach. It should be revealed how such relationships determine the possibility of development of societies and how much they correlate with public interests. Author of article does not consider aspects of the economic nature of stimulating the intelligence, but determine its role in the positive development of a socio-economic nature in society. The practical significance of the study is determined by the possibility of forming social development programs on the basis of philosophical discussions and determining the place and role of the intelligence in social development.

Keywords: intelligence; society; development; structure; power.

About the author: Hasanov Elnur Latif, PhD in history, senior specialist of Presidium of Ganja branch of Azerbaijan National academy of Sciences.